

Косякова Валерия Александровна

dom-hors@mail.ru

ОБРАЗ ИЕРУСАЛИМА В КОНТЕКСТЕ КАЗАНСКОГО ПОХОДА ИВАНА IV

Аннотация:

В статье пойдет речь о символических коннотациях Собора Покрова на Рву, построенного в честь завоевания Казани Иваном IV. Анализируются культурный и символический пласты идей эпохи Ивана Грозного. На основании письменных источников поход самого царя интерпретируется как «священная война», а создание Собора связывается с образами освобождения Иерусалима и устройства Иерусалима Нового.

Ключевые слова:

Собор Покрова на Рву, средневековая архитектура, Новый Иерусалим, Вход Господа в Иерусалим, иконы, символизм.

Kosyakova Valeria Aleksandrovna

dom-hors@mail.ru

THE IMAGE OF JERUSALEM IN THE CONTEXT OF KAZAN CAMPAIGN OF IVAN IV

Summary:

The article explains the symbolic connotations of the Cathedral of the Protection on the Moat, which was built in commemoration of the capture of Kazan by Ivan IV. The author studies cultural and symbolic layers of ideas peculiar to the epoch of Ivan the Terrible. The written data interpreted the campaign of the czar as the holy war, and construction of the Cathedral is associated with images of Jerusalem's liberation and building of the New Jerusalem.

Keywords:

Cathedral of the Protection of Most Holy Theotokos on the Moat, medieval architecture, New Jerusalem, Entrance of the Lord to Jerusalem, icons, symbolism.

Эпоха правления Ивана IV обусловлена тотальным вниманием к жизни и устройству человека в рамках государства Московского, Руси и шире – всей земли. Унифицировалась и регламентировалась повседневная жизнь «Домостроем». «Стоглав» урегулировал и систематизировал работу Церкви на всех уровнях. Было написано монументальное и первое историческое произведение «Степенная книга», не хронологически толкующая историю с точки зрения ее божественного развития через поступки правящих князей, уподобленных святым. Бурный расцвет культуры, политико-идеологической мысли, царского этикета и даже придворных одежд был пронизан идеей правильного и праведного богоустройства на земле, и именно царь – Иван IV стоял во главе процесса устройства, формируя чувство ответственности за него. С этими настроениями происходило и завоевание Казанского, а потом и Астраханского царств, как результат долгожданной и триумфальной победы не просто над довлеющим образом Орды, но и над хаосом инаковерия в целом. В честь значимого события торжественно возведен Собор Покрова на Рву, призванный увековечить победу его ктитора – Ивана IV. Однако дело не только в мемориальных функциях Собора, практически все престолы которого были посвящены дням победы над Казанью [1]. В особых литургических практиках, разворачивавшихся вокруг Собора и формировавших особый символизм Собора как Нового Иерусалима. Известно, что один из самых больших пределов Собора – Вход Господень в Иерусалим во время недели Вайи, в Вербное Воскресение, становился важнейшей частью городских литургических функций – «шествий на осляти» [2]. Шествие совершалось из Кремля к Иерусалимскому пределу. В процессии участвовал царь, ведший под уздцы ряженую в осла лошадь, на которой сидел митрополит. Разыгрывание ритуала обращало весь храм в символический образ Иерусалима, в который входил Христос, дабы исполнить волю своего Отца и принять крестные муки. Но, вернемся к Собору, архитектура которого очевидно выбивается из русско-византийской зодчей традиции. Она содержит черты как европейского, так и русского наследия, не имея ни одного прямого аналога. Тем не менее, Собор был создан в определенной парадигме визуальной культуры. Одним из наиболее массовых источников вдохновения того времени были иконы. И нам кажется логичным, что символически Собор был Иерусалимом. Так он и запечатлелся в народной памяти вплоть до XX в. Собор сравнивают с традицией изображения Иерусалима на иконах Входа Господнего XV–XVI вв. Очевидно, что на средневековых изображениях Иерусалим мыслился как центр земли – весь город был вписан в окружность. Его изображение представляло собой центричный объем – единое, тесно сгруппированное пространство, в центре которого доминирует Храм Гроба Господня. Иерусалим репрезентован как единый центрический объем с шатровым храмом в центре. Город рассматривается как единое священное пространство, с возвышающимся в центре, акцентировано доминирующим шатром [3]. Причем подобная репрезентация Иерусалима типична и для данного ряда изображений и для циклов икон, содержащих

прямой или косвенный образ Небесного Иерусалима, к примеру, распространенный цикл XV–XVI вв. «О тебе радуется». Идея заказчика, выполненная архитектором – изображения полноценного града, отличавшегося своими центростремительными формами, где единый храм репрезентировал бы весь Иерусалим. Собор Покрова является как символической, так и архитектурной репрезентацией города. Его платформа – это основание города, столпы – оборонительные башни и частично гражданские сооружения, окружающие центральный предел – Покрова Богородицы – являющийся репрезентацией Гроба Господнего, который, как очевидно по иконографии XVI в., мыслится как шатер, расположенный в самом центре Града и охранительно окруженный городскими постройками и стенами. Однако продолжим анализировать контекст создания Собора Иерусалима, что вызвало необходимость, помимо литургических нужд, для постройки столь символического памятника.

Строительство Собора Покрова на Рву было связано с победой на территориях татарского Поволжья [4]. Завоевание Казани продолжалось долго и далось царю с немалыми трудностями и потерями. Но сам поход воспринимался воинами и Иваном IV как освободительный, своего рода «крестовый поход». Показательны летописные места, описывающие события похода в связи с идеями освобождения земель от бусурманской веры ради победы православия. Как в речи митрополита Макария, произнесенной во время венчания Ивана IV на царство, в которой он выражал надежду, что Бог покорит царю «вся варварския языки», так и осенью 1549 г., когда был запланирован поход на Казань, митрополит лично прибыл в лагерь русских войск, расположенный под Владимиром, дабы убедить воевод идти сражаться «за святые церкви и за православное христианство». Высказывалась идея о священной необходимости победы [5]. Царь и его поступки неоднократно связываются с библейскими событиями и героями [6]. В официальной летописи и в источниках, вышедших из церковной среды, неоднократно выражалась мысль, что погибшие в этой войне пали за православие и подобны мученикам первых веков христианства. За их подвиг веры на том свете Бог им дарует «бесконечную радость и веселие, еже у Господа своего быти и со ангелы предстояти» [7]. Знаменателен поступок царя, следовавшего долгу православного правителя – быть первым защитником своих войск «пастырь добрый, еже душу свою полагает за овца», чтобы «овободити род христианский навеки от бесерменства». Составитель же Степенной книги прямо сравнивал царя с библейским Моисеем [8]. В источниках фигура Ивана IV всегда связывается с надеждой на то, что русский государь освободит живущих по всему миру православных от власти инославных и иноверных правителей. На государя стал переноситься весь комплекс представлений, связанный со священными событиями христианской истории, в которой царь, наделенный особой святостью, воплощает и реализует Божью волю. Европейские крестовые походы были продиктованы целью освобождения Священной земли от мусульманского порабощения. Церковь же воинствующая во главе с Иваном IV тоже освобождала порабощенные мусульманами земли, что на символическом уровне знаменовало освобождение христианской земли от инаковерия. Возведение Собора связано с сакральным пониманием Иваном IV и его окружением казанского похода, что увеличивает его семантическую нагруженность как Иерусалима, и объясняет соотношение строительства памятника и войны, не только как мемориального феномена, но скорее как глубоко символического, что еще более усиливалось празднованием царем своего военного триумфа в рамках церковного календаря – недели Вайи. Но, Собор знаменовал не только идеи об Иерусалиме, но и об Иерусалиме Новом, предвещающим Страшный Суд. Царь становился фигурой совершенно сакральной и ответственной за свою паству в эсхатологическом плане, поэтому логика правильного устройства жизни на земле является логикой символической и не просто приуготовляющей жизнь человека к Суду, но и создающей Новый Иерусалим уже на земле.

Еще раз обратимся к «шествию на осляти» в контексте сказанного. Важность шествия трудно переоценить: обряд, воспроизводящий момент Входа Господнего в Иерусалим в момент его разыгрывания, как любой литургический обряд, знаменовал собою сложную символическую систему, во-первых затрагивающую проблему времени: обряд проходит как в историческом, линейном времени, так и во времени христианской мифологии, вневременных событий жизни Христа и Церкви. Момент события, происходящего при Иване IV, приобретает черты космического, вневременного масштаба, сакрализируя историческое время, встраивая его в парадигму христианских событий. Как любой ритуал он одновременно отображает и формирует социальную, культурную и психологическую реальность, укрепляя общество и влияя на его самоидентификацию одновременно. Во-вторых, символически образ царя. Царь разыгрывал фигуру конюшего, ведущего под уздцы лошадь митрополита. Казалось бы, в этом обряде происходило понижение царской персоны по отношению к персоне митрополита во время праздника восседавшего на «осляти». Однако можно прочитать прямо противоположенные значения, в которых фигура царя еще больше сакрализируется и эсхатологизируется, как ведущего под уздцы свою

паству к Новому Иерусалиму. В контексте бурных эсхатологических ожиданий, ежегодный праздник воспроизводит идею predeterminedную Первым Пришествием и Воскресением Господнем, укрепляя веру паствы в неминуемость, как Страшного Суда, так и спасения праведников. Итак, смиренный, набожный царь, представленный в источниках, как праведный кротчайший посредник между Господом и подданными ему, заботящийся, охраняющий православную веру, разящий неправедных, вершащий «священные» войны, направляет свою паству и даже митрополита к спасению. Историческое и эсхатологическое измерение сливаются в одну реальность, актуальную для средневекового сознания, где Собор и вся Москва оборачиваются Иерусалимом, а также ассоциируются с вневременной идеей Иерусалима Нового.

Ссылки:

1. Силуан (Туманов, игум.). История христианских праздников. Саранск, 2008. С. 26–28.
2. Успенский Б.А. Обряд хождения на ослы в Вербное воскресенье и восприятие Московского Кремля как Нового Иерусалима // Международная юбилейная научная конференция, посв. 200-летию Музеев Московского Кремля. М., 2006. С. 2–5.
3. Bernardino A. Trattato delle Pianti Immagini de Sacri Edifizi di Terra Santa. Florence, 1620. 86 p.
4. Баталов А.Л., Успенская Л.С. Собор покрова на Рву (Храм Василия Блаженного). М., 2002. С. 3–4.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. СПб., 1913. С. 256.
6. Там же. С. 258.
7. Там же.
8. Там же. С. 256–264.

References:

1. Silvanus (Tumanov, Abbot) 2008, *History of Christian holidays*, Saransk, pp. 26-28.
2. Uspenskiy, BA 2006, 'The ritual of walking on an ass on Palm Sunday and the perception of the Moscow Kremlin as the New Jerusalem', *Jubilee International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the Moscow Kremlin Museums*, Moscow, pp. 2-5.
3. Bernardino, A 1620, *Trattato delle Pianti Immagini de Sacri Edifizi di Terra Santa*, Florence, 86 pp.
4. Batalov, AL & Uspenskaya, LS 2002, *Cathedral of the Intercession on the Moat (St. Basil)*, Moscow, pp. 3-4.
5. *Complete Collection of Russian Chronicles. T. 21: The Book of Degrees royal lineage* 1913, St. Petersburg, p. 256.
6. *Complete Collection of Russian Chronicles. T. 21: The Book of Degrees royal lineage* 1913, St. Petersburg, p. 258.
7. *Complete Collection of Russian Chronicles. T. 21: The Book of Degrees royal lineage* 1913, St. Petersburg, p. 258.
8. *Complete Collection of Russian Chronicles. T. 21: The Book of Degrees royal lineage* 1913, St. Petersburg, pp. 256-264.